

Оглавление

Предисловие.....	7
Часть I. ГЁЛЬДЕРЛИН	25
Часть II. ГЕНРИХ ФОН КЛЕЙСТ.....	148
Часть III. ФРИДРИХ НИЦШЕ.....	226

*Посвящается профессору Зигмунду Фрейду,
пытливому духу, неустанному побудителю мысли
на созидание сего портретного триединства*

Предисловие

Чем путь к свободе круче и трудней,
Тем слаще полнит сердце встреча с ней.

Конрад Фердинанд Майер

В предлагаемом читателю произведении, как и в предыдущей трилогии «Три мастера», перед нами снова три писательских портрета, сведенных вместе по принципу духовной общности; однако само это объединение должно послужить не более чем к сравнению. Я не ищу формул духа, но стремлюсь воплотить его формы. И если в книгах своих я вполне осознанно ставлю рядом все больше подобных портретов, то поступаю так исключительно и только подобно живописцу, который подыскивает для своих полотен подходящее помещение, где свет падает с разных сторон, дабы контрастнее, очевиднее проявились моменты сходства, не всегда заметные с первого взгляда. Именно сравнение представляется мне самым плодотворным, истинно созидательным помощником мысли, и я люблю его как метод, ибо его можно применять без насилия над предметом. Оно обогащает в той же мере, в какой всякая заведомая концепция обедняет, оно дарит мысли самые неожиданные ракурсы и отражения, сообщая ей ту глубину, какую емкость пространства, подобно раме, придает живописному портрету. Этот оптический се-

крет был известен еще Плутарху, древнейшему из словесных портретистов, и в своих «Сравнительных жизнеописаниях» он неспроста по принципу параллельной аналогии всегда изображает один греческий и один римский характер, дабы за всякой личностью четко выделенной тенью явственнее проступал ее человеческий тип. Так и я, подобно прославленному основоположнику жанра исторической биографии, стремлюсь к подобной же цели в области литературной характерологии: уже написанные два тома по замыслу должны положить начало задуманной мною серии портретов, которую я предполагаю назвать «Строители мира, типология духа». Однако менее всего я помышляю при этом встроить в мир человеческого духа некую косную, застывшую классификацию. Психолог по склонности души, созидатель по зову творческой воли, я устремляю свой азарт портретиста лишь к тем образам, к которым влечет меня чувство глубокой внутренней связи. Благодаря чему уже во мне самом всякому посягательству на пресловутую исчерпывающую полноту заранее поставлены внутренние барьеры, о коем ограничении я нисколько не сожалею, ибо неизбежная фрагментарность отпугивает лишь того, кто, вознамерившись подчинить систематике вышние сферы творческого духа, самонадеянно полагает возможным расчертить их бесконечность циркулем измерений и расчетов, тогда как меня в моем замысле привлекает как раз эта двойственность: соприкоснувшись с бескрайностью, не очеркивать себе покамест никаких границ. Вот я и воздвигаю, пусть обстоятельно, но и страстно, все еще жадными до новизны руками случайно затеянное здание, устремляя его все выше и выше к небесному лоску времени, что зыбко трепещет над нашими судьбами.

* * *

Три героических образа — Гёльдерлин, Клейст и Ницше — выказывают знаменательное сходство уже во внешних контурах своих судеб: кажется, их гороскоп предначертан одними и теми же звездами. Каждого из троих будто некоей невероятной, нездешней силой выбрасывает из теплого обжитого мирка их существования в разрушительный ураган страстей, до срока обрывая их жизненный путь жутким умопомешательством, крошечным помрачением чувств, полнейшим безумием или самоубийством. Посланцы своей миссии, чужаки своего века, не понятые современниками, ослепительными всполохами метеоров проносятся они в черном небе. Ни собственный путь, ни предназначение свое неведомы им, им суждено лишь пролететь из одной бесконечности в другую, едва коснувшись земной действительности в неистовом взлете и роковом падении своего бытия. Какая-то взвездная, нечеловеческая воля движет ими, неподвластная их велению, и они подчинены ей всецело: они не хозяева собственной судьбы (и с ужасом понимают это в краткие миги пробуждения и осознания своего «я»), они невольники, одержимые (в двойном смысле этого слова) нездешней, высшей, демонической силой.

Демоническое... Само слово, дойдя от мифически-религиозных представлений древности до наших дней, миновало на этом пути столько значений и толкований, что необходимо разъяснить, как оно понимается в нашем случае. Демоническим я называю врожденный, сущностный, изначально живущий в каждом человеке внутренний непокой, томление, влекущее его из самого себя к чему-то высшему, бесконечному, стихийному, как если бы природа заложила в душу каждого из нас не-

отъемлемую крупицу своего первозданного хаоса, и частица эта всю страсть и напряжением сил влечет нас туда, в эту сверхчеловеческую, сверхчувственную стихию. Демон внедряет в нас это бродильное сусло, будоражащий, мучительно набухающий, пронизывающий напряжением фермент, влекущий наше в остальном вполне покойное существо навстречу опасностям и риску, ко всему чрезмерному, к крайностям экстаза, к упоенному самоотречению и самоотдаче даже ценою смерти; в большинстве из нас, в натурах заурядных, эта драгоценно-опасная толика души вскоре затухает, рассасывается и лишь изредка, в кризисную пору полового созревания, в мгновения, когда любовное томление, жажда зачатия приводит в волнение наш внутренний космос, — вот тогда возникает этот порыв «выйти из себя», отречься от себя, эта чаением рвущаяся наружу невероятность, тревожащая даже самое косное, ограниченное обывательское сознание. Обычные умеренные индивиды, как правило, подавляют в себе этот фаустовский порыв, усыпляют его хлороформом морали, глушат работой, укрощают пресловутым «порядком», ведь мещанин-обыватель искони смертный враг всякому хаосу, не только в окружающем мире, но и в себе самом. Однако в людях высокого полета, особенно же в натурах созидательных, этот непокой продолжает жить энергией творчества, не утоляясь рутинной повседневности, но даруя человеку, по слову Достоевского, «сердце высшее, способное мучиться», тот взыскующий дух, что в смутной тоске рвется в неведомые глубины космоса. Всем, что щекоткой риска влечет нас за пределы нашего существа, наших личных интересов, мы обязаны демонической «жилке» в нас самих. Но демон этот лишь дотоле остается благотворным побудителем, покуда мы способны совладать с ним, покуда он служит нам под-

спорьем, укрепляя и взбадривая наши силы; если же это плодотворное напряжение сил ведет к их надрыву, когда душа, подпав затягивающему соблазну демонического вулканизма, огнедышащему жару внутренней смуты, сама идет к нему в услужение — тогда дело худо. Ибо демону дано вернуться в свои пределы, в стихию бесконечного, лишь одним путем: безжалостно разрушая все конечное, земное, то есть живое тело, в которое он вселился; живительно вдохновляя поначалу, он в итоге жаждет нас разорвать. Людей, которые не сумели вовремя его обуздать, он превращает в демонические натуры, обуревая их страшным, мучительным беспокойством, выхватывая у них из рук кормило воли, обрекая их покорно отдаться бурным волнам жизни, навстречу роковым рифам судьбы. Именно это неумное внутреннее беспокойство всегда есть первый признак демонической одержимости — лихорадочное волнение крови, странная нервность, возбужденная живость ума (неспроста и женщин такого склада, постоянно сеющих вокруг себя волнение, кривотолки, замешательство, называют «роковыми» и «демоническими»). Демоническое всегда как бы окутано предгрозовым небом, несет в себе чувство опасности, близости смерти, ощущение трагизма и дыхания судьбы.

А коли так, всякий создающий, творческий человек неизбежно оказывается втянут в борьбу со своим демоном, и героическая эта борьба, высочайшее из человеческих борений, сродни любовному соитию. Одни уступают его жаркому натиску, подобно женщине, когда та отдается мужчине даже против воли, не в силах сопротивляться его вероломной мощи и подступающему блаженству, готовому разлиться в ней оплодотворяющим огнем. Другие, напротив, умеют демона обуздать, подчиняя его пламенный, порывистый нором своей холод-

ной, твердой, неукоснительной и целеустремленной мужской воле, и порой это обуздание, это враждебно приятное, любовно понуждающее противоборство длится всю жизнь. В натуре художника, в его творчестве высокое это противоборство выказывает себя, можно считать, с наибольшей наглядностью: в каждом флюиде его произведений ощутимо жаркое дыхание, чувственная вибрация брачной ночи духа со своим вечным соблазнителем. Лишь в творениях искусства через медиум художника дано демонической стихии проступить из смутной тени чувств и явить себя в слове, в звуке или в зримых образах, причем яснее всего мы различаем ее страстные черты в жизни и творчестве тех, кто отдался и подпал демоническому всецело, примером чему в немецком духовном мире я избрал для этой книги фигуры Гёльдерлина, Клейста и Ницше как наиболее характерные и яркие. Ибо когда демон царит в душе художника самовластно, это неимоверным всполохом вызывает к жизни и совершенно особый тип искусства — искусство транса, экзальтации, крайностей, ошеломляющих, лихорадочных, спазматических взлетов духа, его судорожных напряжений и оргиастических разрядов, вакхического опьянения, *μῆνις** древних греков, то священное безумие, что присуще обычно лишь пророческому, пифийскому началу. Безудержность, чрезмерность, беспредельный максимализм — вот первые безошибочные признаки этого искусства, неизбежное стремление превзойти самого себя, во всем дойти до последнего, порыв к той бесконечности, в которой суть и исток, исконная родина и истинная природа всего демонического. Все трое — Гёльдерлин, Клейст и Ницше — безусловно, это го прометейского роду-племени, они из тех, кто собст-

---

* Мания, безумие, восторг, вдохновение (*греч.*).

венным горением прожигает любые преграды и ограничения жизни, мятежно опрокидывая косные формы и жертвуя собой в экстазе самоуничтожения: в их очах нездешним блеском пламенеет лихорадочный взор демона, в их устах пугающе и чуждо звучат его речи. Да, они звучат, даже когда уста эти умолкнут, сомкнутся, когда погрузится во мрак немоты их померкший разум, звучат из их разрушенного недугом тела; и никогда присутствие жуткого гостя, овладевшего их существом, не будет ощутимо явственнее, чем в пору окончательного надлома их души, подорванной непомерным напряжением, так что в трещину надлома, словно в щелку, можно даже подглядеть черное зияние бездны, где поселился демон. Именно в угрюмую годину помрачения духа власть демона, жуткой тайной проникшая в кровь каждого из троих, внезапно обнаруживает себя пластически зримо.

Чтобы еще глубже проникнуть в душу одержимого демоном поэта, чтобы с еще большей явностью раскрыть таинственную сущность демонического начала, я, сохраняя верность своей методе сравнения, мысленно противопоставил всем трем трагическим героям моего повествования некоего незримого антипода. Надобно, однако, понимать, что противоположностью поэту демонического вдохновения вовсе не будет некий недемонический сочинитель: истинно великое искусство невозможно без демонической нотки, подслушанной у исконной музыки вселенной. И никто не доказал этого убедительней, нежели кровный враг всякого демонизма, тот, кто и в жизни Клейста и Гёльдерлина выступил в роли строгого порицателя, — нежели Гёте, который в разговоре с Эккерманом заметил: «Всякому созиданию высшего порядка, всякому значительному *арегци**

---

* Обозрение (*фр.*), здесь: «произведение», «сочинение».

никто не указ, оно превыше любой земной власти». Не бывает большого искусства без вдохновения, а всякое вдохновение опять же дарит нас веянием из неких по-тусторонних пределов бессознательного, позволяя из-ведать нечто вне опыта нашей мысли. Истинно досто-йным антагонистом экзальтированному, до беспам-ятства упоенному собственными крайностями, своим божественным произволом поэту мне видится власте-лин собственных порывов, поэт, способный напряже-нием земной, человеческой воли обуздать и направить к осознанной цели демоническую стихию, на него сни-зошедшую. Ибо демоническое, эта грандиозная мощь и праматерь всякого творчества, не способно управлять собою и не ведаёт иной цели, кроме бесконечности, оно влечёт нас вспять, в первичный хаос, которым порожде-но. И истинно высокое искусство, отнюдь не менее зна-чительное, чем демоническое, возникает, когда худож-ник, совладав с этой первобытной стихией, подчиняет её человеческому деянию, указывая ей меру в земном мире и направление сообразно своей воле, когда он, по слову Гёте, «повелевает» поэзией, усмиряя и претворяя всякую «несуразность» духом созидания. Когда он ста-новится властелином демона, а не рабом его.

Гёте... Вот оно уже и названо, имя великого антаго-ниста, чей образ, чье незримое присутствие осеняет сво-ей мощью всю эту книгу. Гёте ведь не только как геолог и минералог, как естествоиспытатель был «противни-ком всяческого вулканизма» — он и в искусстве плавную эволюцию ставил выше всего взрывного, и все судорож-но-внезапное, вулканическое, словом, демоническое подавлял с обычно не свойственной ему, прямо-та-ки ожесточенной решимостью. И нечто иное, как оже-сточенность этого отпора, более всего выдает нам, что для его искусства борьба с демоном тоже была вопро-

сом жизни или смерти. Ведь лишь тот, кто повстречался с демоном на своем жизненном пути, кто с содроганием ощутил на себе этот леденящий взор медузы, кто осознал весь исходящий от него ужас, — лишь тот и способен видеть в нем смертельно опасного, заклятого врага. Не иначе, где-то на перепутьях бурной юности Гёте однажды довелось столкнуться с ним лицом к лицу, не на жизнь, а на смерть, — его Вертер, пророчески предвещающий сразу и судьбы Клейста и Тассо, и Гёльдерлина и Ницше, вернейшее тому доказательство! После той роковой встречи Гёте на всю жизнь сохранил в душе суеверное почтение и неприкрытый страх перед смертоносным могуществом столь неимоверного противника. Словно замороженный, он готов разглядеть смертного врага в ком и в чем угодно, в любом образе, во всяком творении — в музыке Бетховена, в «Пентесилее» Клейста, в шекспировских трагедиях (которые он под конец даже раскрывать не в силах, «меня бы это разрушило»), — и чем больше он всеми помыслами сосредоточен на собственном творчестве и самосохранении, тем предусмотрительнее и боязливее уклоняется он от подобных встреч. Ему ведомо, чем кончает всякий, отдавшись демону, вот он и сам остерегается, и других тщетно предостерегает: он силится уберечь себя с тем же иступленным героизмом, с каким подпавшие демону, одержимые демоном себя растрачивают. Как и они, он тоже отстаивает в этой борьбе высшую свободу, но свою — он борется за меру против безмерности, за законченность совершенства — тогда как им лишь бесконечность подавай.

Только в этом, высшем смысле, а отнюдь не в смысле (хотя и существовавшего в жизни) банального тщеславного соперничества, я противопоставил фигуру Гёте трем выведенным в этой книге поэтам, подпав-

шим власти демона: мне нужен был чей-то весомый голос против, дабы экзальтированность, гимническое, титаническое — все то, что меня в Клейсте, Гёльдерлине и Ницше восхищает и что я в этом повествовании пытаюсь показать и раскрыть, — не выглядело единственной или самой сокровенной ценностью в искусстве. Как раз в противопоставлении, в полярности двух начал видится мне высшая правда творчества, а посему, полагаю, будет нелишним наглядно выявить эту имманентно присущую искусству антитезу в некоторых конкретных ее проявлениях. Ибо в данном случае контраст разворачивается от общего к частному вплоть до мельчайших эпизодов мирской и даже чувственной жизни с неукоснительностью математической формулы: лишь сравнение Гёте с его демоническими антагонистами, оказываясь сравнением двух высших форм духовной жизни, позволяет высветить проблему во всей ее глубине.

Первое, чем запоминаются, обращают на себя внимание фигуры Гёльдерина, Клейста и Ницше, — это их отрешенность от мира. Закогтив жертву, демон первым делом вырывает ее из привычной жизни. Ни у кого из этой троицы нет ни жены, ни детей (как и у их кровных собратьев по духу Бетховена и Микеланджело), ни скарба, ни крова, ни один не привязан на долгое время ни к надежному ремеслу, ни к сытному местечку. Они кочевники по натуре, скитальцы-ваганты на дорогах жизни, одиночки, чужаки, изгои, влачащие существование на отшибе, порой в полной безвестности. В мирской жизни у них нет никакого имущества: ни у Клейста, ни у Гёльдерлина, ни у Ницше никогда не было даже своей кровати, у них вообще нет собственности, они пшут за чужими столами, сидя на чужих стульях, из одной чужой комнаты переселяясь в другую. Укорениться

не могут нигде, и даже Эрос не способен надолго отвлечь и задержать тех, кто сожительствоует с ревнивым демоном. Их дружбы расторгаются, положение в обществе сомнительно, шатко, а то и вовсе утрачивается, их сочинения не приносят доходов; вечно с пустыми руками, они и живут словно впустую. Само существование их схоже с мимолетностью метеоров, этих тревожных, непонятно откуда вылетающих падучих звезд, — тогда как жизнь Гёте вершится по ясной, замкнутой орбите. Гёте врастает в бытие сильными корнями, и корни эти разрастаются все шире. У него жена, и сын, и внуки, женщины пышным цветом окаймляют долгие годы его жизни, круг пусть немногочисленных, но верных друзей сопровождает каждый его час. Он обитает в просторном, богатом доме, заполненном собраниями и всевозможными редкостями, наслаждаясь уютом, в теплых лучах надежной славы, которой дольше полувека оваяно его имя. Он и при высокой должности, и в дворянском звании, тайный советник и «ваше превосходительство», ордена всего мира поблескивают на его широкой груди. Сила земного притяжения явлена в нем в той же мере, в какой тех, других, отрывает от жизни подъемная сила духовного взлета, и с годами во всем существе его все больше проступает эта уверенная оседлость (тогда как тех, других, все очевиднее не держит в земном мире ничто, и они, словно перекаати-поле или затравленные звери, мечутся по жизни бесцельно). Где стоит он, там и центр тяжести его «я», и в то же время духовное средоточие нации: с этой точки опоры спокойным взглядом деятеля-творца он охватывает весь мир, и эта его сопряженность с земным бытием простирается далеко за пределы человеческого сообщества, охватывая мир растений, животных, камней, сочетаясь узами творчества со всеми стихиями вселенной.

Вот почему на склоне лет он, укротитель демона, стоит незыблемым хозяином своего бытия (тогда как те трое растерзаны, как Дионис своей разнузданной вакхической свитой). Жизненный путь Гёте не что иное, как неуклонное, стратегически целеустремленное овладение миром, в то время как этих троих, несмотря на все их героические, но бессистемные бои, некое давление неумолимым напором теснит и выталкивает с земли, вынуждая бежать в бесконечность. Им приходится из последних сил вырываться из власти земного, дабы слиться с надмирным, — а Гёте, чтобы достичь бесконечности, и шага не нужно ступить с земной поверхности: спокойно, терпеливо, по-хозяйски он притягивает ее к себе. У него повадка завязатого капиталиста: из года в год он откладывает рачительно рассчитанную долю своего опыта в копилку духовной прибыли, чтобы в конце года, как дельный коммерсант, расписать ее по графам своих «Дневников» и «Анналов» — его жизнь, таким образом, приносит проценты дохода, как пашня приносит урожай. Что же до тех троих, то они живут и действуют подобно игроку: снова и снова с невозмутимой миной, с видимым безразличием ко всему и вся ставят они на карту само существование свое, выигрывая бесконечность, проигрывая бесконечность, — демону ненавистны степенное скопидомство, любовный подсчет барышей. Человеческий и индивидуальный опыт, в котором для Гёте воплощена самая суть жизни, для нашей троицы никакой цены не имеет, из опыта страданий они извлекают разве что обострение чувств, проживая свой век блаженными чудаками, юродивыми, отрешенными мечтателями, вконец потерявшими себя. Гёте же всю свою жизнь чему-то учится, книга жизни для него — это вечно раскрытый учебник, который надобно проштудировать добросовестно, строчка за строчкой,

с ревностным тщанием; он постоянно чувствует себя школяром и только на склоне лет отваживается произвести таинственное:

Жизнь изучил я вполне, даруйте же, боги, мне время!

Для этой же троицы жизнь изучению не поддается да и не стоит трудов: грезы иного, высшего бытия для них куда важнее всех данностей восприятия и всего чувственного опыта. Что не нашептано внутренним «гением» — того для них не существует. Только из его сияющей полноты готовы они почерпнуть что-то свое, только внутреннее пламя разгоряченного чувства питает их вдохновение и энтузиазм. Здесь, в огне, они в своей стихии, их деяния — пламя, и это возвышающее их горение сжигает изнутри всю их жизнь. Клейст, Гёльдерлин, Ницше в конце своих дней еще более одиноки и нелюдимы, чем в начале жизни, тогда как в жизни Гёте в любой день и час последний миг — он же и самый насыщенный, самый полный. В них же лишь демон крепнет день ото дня, лишь бесконечность завладевает ими все сильнее: в их красоте все очевиднее скудость жизни, скудостью счастья отмечена эта красота.

Из этого полярного несходства жизненных установок — при всем сродстве в масштабах гениальности — проистекают коренные различия в ценностном восприятии мира. Всякая демоническая натура презирает реальную действительность, видя в ней одну лишь ущербность, все они — Гёльдерлин, Клейст, Ницше, пусть каждый по-своему — оказываются бунтарями, возмутителями спокойствия, противниками существующего миропорядка. Такие лучше сломятся, но не уступят; свое непримиримое несогласие они будут отстаивать до конца, даже ценою жизни. Что превращает их